

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЛЕОНИД КОНДРАТЬЕВ,
ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ

ТОРГОВЕЦ

Книги Леонида Кондратьева и
Владимира Мясоедова в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

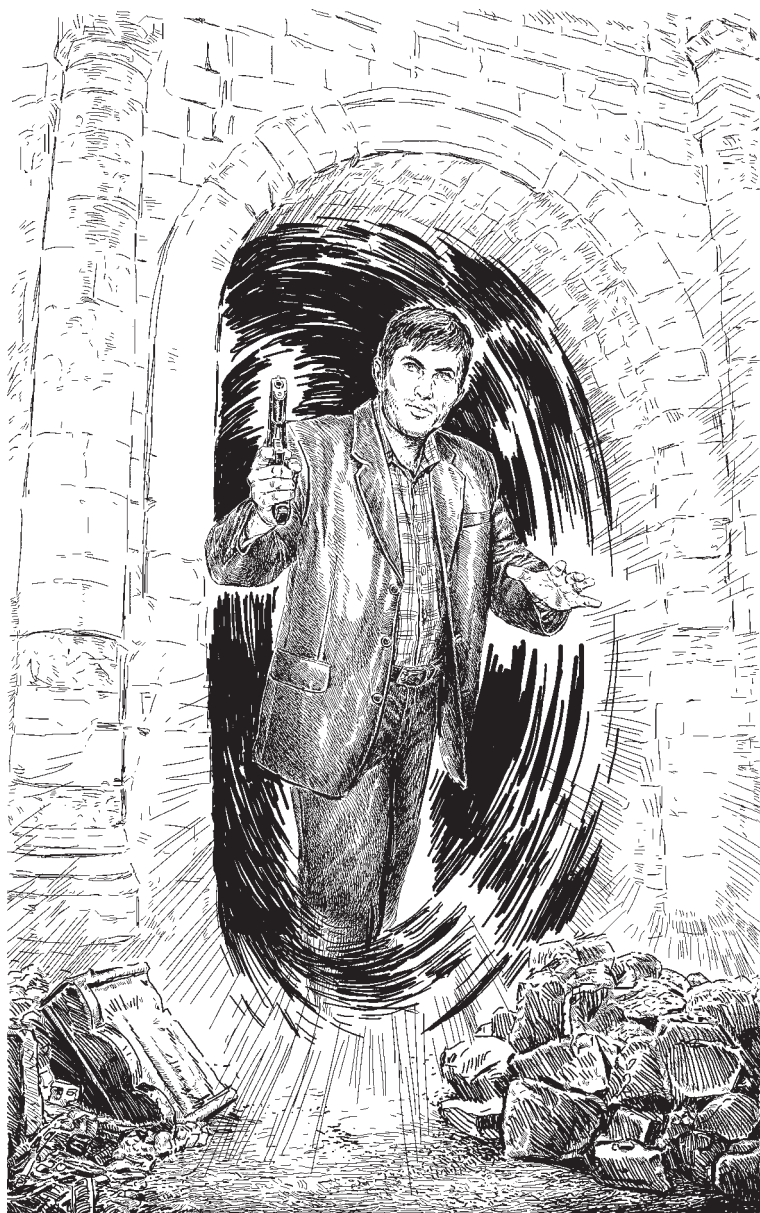
ТОРГОВЕЦ

Книги Леонида Кондратьева

**ОТЫГРЫВАТЬ ЭЛЬФА НЕПРОСТО
ТОВАРИЩ ССЕШЕС**

Книги Владимира Мясоедова

**НОВЫЕ ЭЛЬФЫ
И ИМЯ МНЕ — ЛЕГИОН
РАСТУЩИЙ ЛЕС
ИСКРЫ ИСТИННОЙ МАГИИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Леонид КОНДРАТЬЕВ,
Владимир МЯСОЕДОВ

ТОРГОВЕЦ

РОМАН

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ГЛАВА 1

Волею императора Священной империи Аксимилиана Первого я, ничтожнейший из иноков монастыря пресвятого Канлера Всепрощающего, начинаю сей труд, посвященный жизнеописанию удивительных приключений, выпавших на долю императора и его соратников.

(Вступление исторического труда, посвященного восхождению на трон императора Аксимилиана Первого и возвеличению его державы)

По крайней мере, этот летописец пытается придерживаться основных событий, не перемешивая их с совсем уж недопустимым количеством лжи и пафоса. Копии его книги по библиотекам страны разослать разрешаю.

(Приписка, сделанная рукой императора Аксимилиана на обложке оригинала данного исторического труда, оставленного им себе для личного пользования)

Олаф, неудачливый торговец оружием

Виски... Какая же это дрянь! Впрочем, и ром не лучше!

Ну вот почему все ими восхищаются? И почему в этом проклятом всеми богами городе, наполненном бандитами, проститутками и жуликами всех мастей, так сложно найти нормальную выпивку? Нормальную в моем понимании. Ведь острое желание напиться в возможно по-

следние часы жизни не так просто залить контрабандным виски и ромом местного производства. А душа в те моменты, когда она соизволяет высунуться из пяток, требует водки. Именно русской водки — прозрачной, как слеза, и злой, как сторожевая собака. Это, конечно, не говорит о том, что я такой уж особенный ценитель именно русской выпивки, просто при моем образе жизни не подхватить вредных привычек при общении с представителями данного народа было просто невозможно. До сих пор посещение военных складов в любом из осколков бывшего СССР не обходилось без устоявшегося и освященного годами ритуала. Как его еще называют эти сумасшедшие русские — «обмытия». Нет, я, конечно, не против «обмыть» ящик гранат, ну два ящика гранатометов тоже можно вынести. Но после того как мне «посчастливилось» купить десять танков Т-55 — по цене металлолома, конечно, — я с очень большим подозрением отношусь к предложению «обмыть» сделку. Ибо в себя я пришел уже в порту, доставленный сердобольными продавцами. Хорошее было времечко...

— Эй, парень! Еще стаканчик! — Лицо, назовем это образование все же лицом, бармена явно не внушало доверия, но у него было одно несомненное достоинство — он замечательно умел слушать, не отпуская совершенно ненужных мне сейчас комментариев и безмолвно наливая в ответ на мои команды.

— Двойной виски, сэр?

Внимательно изучив стоящий передо мной почему-то уже на уровне глаз бокал, многозначительно хмыкнул и неожиданно для себя залюбовался переливами света в мягких тонах ячменного виски, наливаемого барменом. Все же в этом проклятом мире осталась еще красота. А может, я просто пьян? Впрочем, какая разница. Сделать-то все равно уже ничего нельзя...

В принципе меня нельзя было назвать такой уж большой акулой оружейного бизнеса, нет, — скорее всего, я не тянул даже на пиранию. Так, мелкая рыбешка, обгладывающая крошки, выпадающие изо рта крупных воротил. Но даже этих крошек на жизнь мне хватало. Да что там на жизнь — на слой черной икры к булочке с маслом я зарабатывал. Пока не зарвался...

Непаханое, бесконечное поле Африки, бурлящее в сотнях, да что там — тысячах конфликтов разного уровня. Способное ежечасно проглатывать вагоны вооружения. Главное правило поведения на этом рынке — быстрее, дешевле, больше. А документы? Да какие, к черту, документы! Я ввозил сельхозоборудование, строительные материалы, автомобили. Именно это и было написано на арендованных мной контейнерах. А содержимое... Содержимое касалось только меня, моих поставщиков и покупателя.

Автоматы, пулеметы, гранатометы, мины — все это моментально раскупалось во все возрастающих количествах, обмениваясь на золото, алмазы, слоновьи бивни и шкуры животных. На все, что могло принести мне прибыль. И если бы вы знали, как мне надоели эти великие бваны, вожди, президенты и просто разные бандитствующие ублюдки, заинтересованные только в одном — грабеже, насилии и выживании. Ведь крайне редко кто-то из моих клиентов становился постоянным. Год, максимум два — и переговоры о поставках вооружения приходилось вести уже с представителем «армии освобождения», несущей «мир и процветание» на сожженную войной землю. Но работу не выбирают.

Именно в начале девяностых я познакомился с одним из самых отъявленных негодяев африканского континента и вместе с тем с самым крупным своим клиентом. Эту чернокожую задницу, из-за которой и еще из-за некоторых вещей я и сижу в этом проклятом баре и надира-

юсь, скрашивая последние часы своей жизни, звали Чарльз Мак-Артур Ганкай Тейлор. Маниакальная жажда власти сочеталась в нем с просто ураганным темпераментом и харизмой. Да взять хотя бы тот факт, что избирательная кампания в его поддержку, прошедшая в 1997 году, после более чем восьми лет кровавой гражданской войны с буквально горами жертв, проходила под лозунгом: «Он убил мою маму. Он убил моего папу. Я голосую за него». В чем-то эта сволочь мне даже нравилась. Во всяком случае, он был честен. И никогда не позволял себе обмана в расчетах и закупал у меня оружие во все возрастающих количествах. В основном легкое вооружение, советские и китайские АК¹, патроны. Немного позже его аппетиты увеличились, и в ход пошли тяжелые станковые пулеметы, безоткатные орудия.

В попытках удовлетворить его оружейный голод я вихрем проносился по складам и поставщикам. Несчетные чемоданы налички появлялись и исчезали из моих рук. Конечно же это были не мои деньги — в основном это были занятые на незначительный срок суммы, которые потом приходилось отдавать, причем со значительными процентами. Но подкупало отсутствие любых бумаг и следов трансферта денежных масс. А ведь это первое правило любого теневого бизнеса — никаких бумаг и следов. Колумбийцы, албанцы, сицилийцы... с кем только не приходилось работать. Не скажу, что было особенно приятно, но, придерживаясь определенной этики в отношениях, дела можно было вести со всеми. Поставки микропартий стрелкового вооружения, небольшие услуги — и вот ты уже не просто «отброс» и «мелкая сошка», нет — ты уже свой парень, с которым можно иметь дело и которому в случае необходимости можно дать в долг крупную сумму денег. С процентами, конечно.

---

¹ АК — автомат Калашникова.

Отвлекшись на секунду от воспоминаний, я, не ощущая вкуса выпивки, опрокинул в себя бокал и знаком попросил бармена повторить. Может, из-за страха и обреченности, витающей в воздухе, выпивка не помогала. Устремив взгляд куда-то в глубины барной стойки, я опять задумался.

Вот так день за днем, сделка за сделкой я и докатился до своего теперешнего состояния. Всего один раз погнался за большими деньгами и положил все свои яйца в одну корзину. Если так разбираться, то корзинок было две, но от неудачного стечения обстоятельств не застрахован ни один даже самый хитроумный сукин сын. Спрашивается — почему бы мне не дождаться результатов сделки по поставке крупного груза в Либерию, к моему «нежно любимому» партнеру Чарльзу, а уже потом, оперируя освободившимися финансами, завезти эту чертову партию переносных зенитно-ракетных комплексов колумбийцам? Жадность... Во всем виновата эта проклятая жадность... Как, казалось, красиво выстраивались сделки. Деньги албанцев идут на закупку партии «стэнов»¹ и АК для Либерии — судя по запросу именно такой дешевки и хлама, как «стэны», Тейлор опять решил подстегнуть повстанцев в Сьерра-Леоне. Ну да это были не мои проблемы — лишь бы платил. А на деньги колумбийских картелей я покупал на Украине отличную партию «стрел» и «игл»² вместе с запасными ракетами. Это гарантировало в будущем хорошие проблемы американским вертолетам, по какой-то странной причине повадившимся жечь плантации коки в почти сопредельном государстве.

---

¹ «Стэн», он же «стэн марк» — английский пистолет-пулемет Стэн Марк (модификации от I до V) Второй мировой войны, стоявший на вооружении Британского Содружества до 1953 года. Распространен и по сей час — применяется во всевозможных «малых» войнах.

² «Стрела-2», «Стрела-2М», «Стрела-3», «Игла», «Игла-1» — переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) советского (и российского) производства.

Если все вышеперечисленное не показалось вам таким идиотским планом, каким оно выглядит сейчас для меня, то я вас поздравляю — вы попали бы на такие же грабли, на которые я насадил себя сам. И именно поэтому я сейчас сижу в этом задрипанном баре и пытаюсь залить этим дрянным виски свой страх. Что мне в общем-то и не особенно удается — или из-за плохого виски, или из-за того, что моей крови уже сутки как хотят колумбийцы и албанцы. И кто из них доберется до меня первым, известно одному Богу.

Вчера с промежутком буквально в пару часов случились два крайне неприятных для меня события. Впрочем, начну по порядку. Колумбийский груз — всего пара контейнеров, но вот по стоимости они в несколько раз превышали стоимость той старой лоханки, среди груза которой они медленно чапали в сторону Южной Америки. И если вы думаете, что через Атлантику, то глубоко ошибаетесь. Уж слишком много любопытных людишек живет в когда-то бывшей колонии ее королевского величества. Это я о США, если кто еще не догадался. Совсем не хотелось светить ТАКИМ грузом перед агентами Госдепа. Именно в связи с этим был выбран старый сухогруз, направляющийся в Южную Америку немного необычным способом. Необычным, но зато с некоторой долей вероятности гарантирующим доставку товара. Если, конечно, ничего непредвиденного не случится. К сожалению, в оружейном бизнесе застраховать груз мало того что практически невозможно, так еще и подчас опасно, так как любые следы сделки могут привести не только к длительному тюремному сроку, но и вообще к вычеркиванию незадачливого торговца из списка живых. Поэтому маршрут Черное море — Средиземное море — Суэцкий канал — Индийский океан — Тихий океан — Южная Америка был для моего груза самым лучшим. За исключением одного маленького, практически незамет-

ного на карте мира государства, с некоторыми представителями коего я очень бы хотел сейчас встретиться лицом к лицу. Желательно, конечно, увидеть их в прицеле пулемета, но и просто дать в морду очень бы хотелось. Совершенно непонятен интерес и честь, оказанная обшарпанному сухогрузу более чем преклонного возраста. Аргентинского производства шаланда с примерно полувековой историей, конечно, являлась ну просто замечательной целью для захвата ее сомалийскими пиратами. Если отбросить идиотскую мысль о том, что они могли просто перепутать это чудо кораблестроения с чьей-то прогулочной яхтой или с жирным купцом — ну не обкурились же они до полного офонарения, — остается только версия о точечном сливе информации именно об этой сделке. Колумбийцам и мне это точно делать было не с руки. Конкурентам? Да какие, к чертям, конкуренты — тут прямой заказ союза семей, в такие сделки не влезают. Ибо шарик, на котором мы имеем незадачу прожить, имеет столько углов, что информация рано или поздно всплывет, а гребля вольным стилем в озерце крокодилей фермы является довольно неприятным занятием. А именно в этом виде спортивных состязаний приходится рано или поздно участвовать тем, кто перебежал дорогу семье. Поэтому оставался только один путь, по которому информация о столь ожидаемом картелями грузе могла попасть в руки этих недавно спустившихся с пальм сомалийцев, — Лэнгли. Только эти сволочи, сидящие в тишине кабинетов с безвкусным кондиционированным воздухом, занимаются такими подставами. И их можно понять — груз переносных зенитно-ракетных комплексов позволил бы колумбийцам хорошо прижать самолеты и вертолеты Управления по борьбе с наркотиками. Да так, что общий оборот с Мексикой и США возрос бы как минимум в пять-шесть раз. Так что — да пусть будут прокляты эти сволочи из ЦРУ!

Грохнув уже пустым бокалом по стойке, я вопросительно уставился на бастующего бармена. В ответ он многозначительно покосился на показавшую дно бутылку виски, еще недавно купленную мной на последние, чудом нашедшиеся в кошельке деньги. Да-да, именно столько денег осталось у меня после более чем двадцатичасового воздушного марафона, осуществленного с помощью остатков наличных, четырех паспортов и наугад выбранных рейсов случайных авиакомпаний. Зато теперь я имею сомнительное счастье смотреть на дно опустевшей бутылки где-то на побережье Восточно-Китайского моря. В городе, полном порока, убийц и отчаяния. В этом наполненном миазмами наживы и беззакония рае для контрабандистов и наркоторговцев. Именно сюда сливается вся грязь окружающего региона, и именно здесь среди представителей практически всех народов и религий проще всего затеряться без пяти минут смертнику.

Прислушавшись к хриплым звукам блюза, исторгаемым выдавшим виды музыкальным автоматом, я на несколько секунд провалился куда-то очень глубоко внутрь себя, задумавшись даже не о причинах бегства, а о необходимости его и неминуемом финале. Шансы затеряться и спрятаться от картелей были, сказать честно, небольшие, но ведь были. Однако одновременно спрятаться от албанцев и от колумбийцев, не имея связей и денег, было нереально. Своими прыжками по миру я лишь немного оттянул свое знакомство со смертью. Эх, если бы этот проклятый Чарльз Тейлор продержался у власти на пару дней больше. И тогда... Тогда бы мой груз, спокойно прибывший в порт Монровии, не достался бы немытым повстанцам, отличающимся от свергаемой ими власти только нагулявшимся аппетитом и полным презрением к договоренностям предыдущего строя. «Движение за демократию в Либерии» не считает

себя вправе платить по счетам кровавого тирана. А захваченное в ходе освободительной войны оружие, предназначенное для еще большего угнетения многогосударственного народа Либерии, послужит для обеспечения мира и защиты Свободы!» Двulichные сволочи! И это мне в глаза говорила министр финансов того же Тейлора, мигмом перекрасившаяся и ставшая белой и пушистой с приходом повстанцев.

Бросив еще один наполненный тоской взгляд на зажатый в руке пустой бокал, я осторожно и, можно сказать, ласково поставил его на исцарапанную сотнями клиентов стойку и, чуть покачнувшись, встал. Кивком попрощавшись с потерявшим ко мне всяческий интерес барменом, я вывалился в жаркую тропическую ночь, после ласковой прохлады мерно гудящего кондиционера показавшуюся мне обжигающе горячей. Воздух, напоенный влагой от расположенного буквально в паре километров моря, удушливой волной проник мне в легкие, унеся даже слабые следы опьянения.

Немного постояв на крыльце и с задумчивым видом похлопав себя по карманам, попытался определиться, какие еще активы присутствуют на моем брэнном теле. Уж слишком хотелось надраться до розовых слоников. Что поделаешь — ирландские корни. Из предметов, которые можно по-быстрому превратить в наличность, присутствовали поддельные «ролексы» ценой буквально в пару баксов, небольшой перочинный нож, недавно приобретенный «глок»¹ и пустой кошелек с несколькими никому тут не нужными рандами². Расставаться с пистолетом в портовом районе, примыкающем к густым мангровым зарослям по краям бухты, испохабленной раковой опухолью многоэтажных домов, многочисленных скла-

¹ «Г л о к» — австрийский пистолет, но модель может быть произведена где угодно, чаще всего в США, где «глоками» вооружено большинство полицейских.

² Р а н д — валюта ЮАР.

дов и бесформенных хибар, было бы еще более извращенным способом самоубийства, чем занять и не отдать деньги у мафии. А стоимости всего остального барахла, находящегося в моих карманах, явно недостаточно, чтобы погрузиться в приятные баюкающие волны алкогольного опьянения.

Если только... А действительно, если уж мой род на мне и прервется, то хранить семейную реликвию становится по меньшей мере глупо. И если так, то украшающий мой безымянный палец перстень, хоть и выглядящий не особенно драгоценным, при некоторых усилиях можно продать. Украшающий его сапфир сам по себе довольно неплох, но вот угловатая, черная от времени серебряная оправа, покрытая многочисленными царапинами и немного сплюснутая сбоку, явно будет лишней у ростовщика. Видимо, придется продавать по отдельности.

Оглядевшись вокруг в поисках укромного места, потихому, стараясь не привлекать внимания, завернул в небольшой проулок, наполненный каким-то хламом. Битые ящики перемежались кучами гниющего мусора и мятых картонных коробок. Типичная картина портовых задворков — ее можно увидеть, пожалуй, в любом порту мира, за исключением тех мест, в которых хотя бы некоторое время в году идет снег. Вид и наполнение таких мест меняются от местности к местности, но постоянный прогорклый запах разложения и морской соли остается неизменным.

Выбрав на гофрированной стене склада местечко почище, я прислонился к нему для устойчивости и, раскрыв жалкое подобие тактического ножа, приступил к ювелирной операции. Оправа оказалась неожиданно прочной, и после первых жалких попыток разогнуть крепление камня пришлось помянуть незлым словом святого Патрика и приняться за нее всерьез. Видимо, в этот мо-

мент не к месту упомянутый святой обиделся где-то там на своих небесах, и соскользнувшее по камню лезвие хорошо вскрыло мне руку. Густая кровь, кажущаяся черной в неровном, пробивающемся в переулочек свете уличных фонарей, моментально принялась заливать мою ладонь.

Громко выругавшись и помянув все того же святого Патрика, чтобы его там на небесах приподняло да хлопнуло и чтоб ему пить только воду, да и то по праздникам, свободной рукой аккуратно сложил подведший меня нож и, пристегнув его к поясу, принялся копаться в карманах пиджака в поисках носового платка. Все же истечь кровью в грязной подворотне — это было бы чересчур. Даже для меня и даже в моем положении.

Пока я, чертыхаясь, пытался выловить этот проклятый всеми святыми платок, нечто необычное и странное появилось на грани моего восприятия. Полумгла переулочка как будто бы расступилась, и появившееся пульсирующее серебристое сияние мертвенным светом озарило груды мусора, сделав их еще более неприглядными. Наконец-то нащупав кончиками пальцев искомый кусочек ткани, я отвлекся на окружающее и остолбенел...

Струи белого тумана, сияющие серебристым светом, который и окрасил окружающее в неживые цвета, исходили как раз из залитого моей кровью перстня. Извивающиеся, пульсирующие в такт моему сердцебиению, по какой-то странной причине отдающемуся в голове иголочками боли, они принялись складываться в туманную арку, заполненную мерцающей темнотой. Примерно так же в отраженном свете может мерцать нефть или отработанное машинное масло — подергиваясь медленными ленивыми волнами от падающих в него предметов.

Все же недаром об ирландцах говорят, что они не боятся ни черта ни бога, забывая, конечно, уточнять, что все это справедливо только после первой выпитой бутылки виски. Но во мне-то как раз она, родимая, и обреталась, еще и без закуски да на голодный желудок. Наверно, именно поэтому я не убежал, как любой нормальный человек, а, извлеки все же платок, принялся с толком и расстановкой медленно перевязывать попорченную ножом руку, периодически бросая заинтересованные взгляды в сторону арки. Когда я закончил свои срочные медицинские дела, висящий передо мной портал уже начал восприниматься как что-то знакомое и не вызывающее никакого страха. Может, небольшое опасение, хорошо разбавленное текущим в моих жилах виски.

Как вы думаете, что делает чуточку пьяный (ну ладно — хорошо датый) ирландец, перед которым зависло нечто необычное, интересное и абсолютно точно ни фига не понятное? Правильно — лезет любопытствовать.

Первым в арку влетел подобранный с земли камешек, обляпанный, правда, чем-то липким и подозрительно пахнущим. Убедившись, что он канул в черную маслянистую поверхность, заполняющую туманные границы, с концами и только медленные ленивые круги разошлись в месте его проникновения, я извлек из плечевой кобуры «глок» и кое-как раненой рукой передернул затвор. Что бы это ни было, оно на меня не бросается, и в моем положении любая новость может быть только к счастью, так как хуже уже быть некуда. Осторожно и медленно потыкал пистолетом в зависшую передо мной поверхность. Ствол беспрепятственно проникал в эту пленку и выходил из нее абсолютно неповрежденным. Пережив необычайно мощный приступ любопытства, практически граничащий с идиотизмом, и перекрестив-

шись на всякий случай, не выпуская пистолета, внутренне сжавшись, как перед прыжком в холодную воду, я шагнул в арку.

Мгновение полной темноты — и вот я уже нахожусь в какой-то полуразрушенной комнате, заваленной грудями искореженной мебели, обломками балок и камнями разрушенного свода, сквозь пролом в котором и льется, скорее всего, лунный свет, освещающий все это пыльное непотребство. Резко развернулся и краем глаза успел заметить исчезающие, как будто сворачивающиеся сами в себя остатки арки. Да какой, к чертям, арки! Или я не ирландец — по всем признакам это был портал, каким его описывают в старинных сказаниях и во всевозможной фантастической литературе. И уж поверьте мне, если после пятой кружки эля или первой бутылки виски в ирландском пабе не заходит разговор о старых временах и о фейри¹, то этот бар явно находится не в Ирландии или в нем слишком много трезвых людей. Дайте обычному жителю зеленого Эрина выпить вволю да промыть с песочком кости «добрым соседям» иль самому Богу со всеми его святыми — вы не найдете на свете более счастливого человеческого существа.

Уж прожив бо́льшую часть своей жизни в Ольстере, я знаю, о чем говорю.

То ли из-за извечного ирландского любопытства и упертости, то ли из-за странной уверенности, что все, что могло со мной случиться из неприятностей, уже случилось и дальше будет только что-нибудь интересное, но я принялся за исследование окружающего пространства.

Примерно через час я еще раз убедился, что все в подлунном мире уже украдено до нас. Во всяком случае, в этом зале точно. Пыль, еще раз пыль и занесенная сквозь провалившийся потолок листва. Типичная картина...

---

¹ Фейри — нелюдь из ирландского фольклора.

Попинав еще некоторое время разбросанные по полу камни, я с интересом уставился в зияющий в потолке пролом, из которого лился мягкий лунный свет. Пробитая чем-то дыра выходила в узкий колодец, закрытый толстой кованой решеткой, за которой виднелся небольшой кусочек неба. Обычного такого ночного неба, с темными перистыми облаками и мерцающими огоньками звезд. Только вот лун в наполненном незнакомыми созвездиями небе было почему-то две.

Методика моментального отрезвления в действии — застыв и похлопав глазами пару минут в полной прострации, я перевел уже абсолютно трезвый взгляд с небес на землю. Во мне крепла железобетонная уверенность, что теперь проблемы с мафией уже не кажутся такими большими. Нет, кинутые на немалые деньги колумбийцы и албанцы до кучи — это страшно. Но что-то подсказывает мне, что это уже совсем неприципиально...

Стоило мне только чуть успокоиться и уже начать привыкать к окружающему, как из темноты одного из проходов, находящегося с правой стороны зала, потянуло холодом. Не обычным холодом сквозняка, а могильным холодом надвигающейся смертельной опасности, заставившим меня покрыться крупными мурашками и сглотнуть вдруг ставшую вязким комом в горле слюну. В полной тишине, разбавленной только чуть слышным подвыванием ветра в проломе и моим частым дыханием, в зал вплыл обряженный в ошметки старинного одеяния и черную, топорщащую во все стороны шипы кирасу призрак. Почему, вы спросите, я был так уверен, что это был именно призрак, — просто не оставляла меня идиотская мысль, что если через человека можно спокойно видеть противоположные стены, то он уж явно не является живым...

Несколькими секундами позже. Веселыми такими секундами, заполненными крепкими ирландскими выражениями, русским матом, беспорядочными выстрелами и мелодичным звоном подпрыгивающих на каменном полу гильз

— Да когда ж ты сдохнешь! — Под аккомпанемент выстрела моя реплика зазвучала с оттенком, которого я не помню за собой с детских лет. Оттенком панического ужаса.

— Моя кираса! — взвопило привидение. Висящий в воздухе полупрозрачный силуэт пожилого человека с волевыми и резкими чертами лица, пусть и свитыми из переплетений тумана, был одет в рванье, которому пули видимого вреда не носили, дырявя навывлет. Единственная же твердая вещь, укрывавшая нематериальную плоть разгневанного духа, после нескольких попаданий из пистолета напоминала если и не сито, так сток для воды, забраный необычной решеткой. — Убью!

Выстрел, выстрел, выстрел — и зазвучавший похоронным колоколом щелчок спускового механизма немного привел меня в сознание. Пока руки на полном автомате выщелкивали пустой магазин и меняли его на извлеченный из-за пояса новый, в голове среди панических мыслей все больше и больше обретала стройность одна добрая фраза, полностью характеризующая происходящее, — если переводить ее на английский, она, конечно, полностью теряет свою экспрессию, но вот в русском варианте название маленького северного пушного зверька звучит вдохновляюще. Той экспрессии, с которой эта фраза была произнесена украинским прапорщиком при погрузке контейнера в Одесском порту, когда совершенно случайно оборвалась одна из четырех строп и десятитонный контейнер с противотанковыми минами опасно закачался на двадцатиметровой высоте, мне никогда не достигнуть, но сам факт! Тем более что частичка русской крови во мне все-таки наблюдается — все вопросы к деду. Какими путями он привел под венец сбежавшую от революции русскую княгиню — про-

сто не представляю, но с тех самых пор более или менее хорошее знание русского языка в нашей семье было чуть ли не правилом хорошего тона. И между прочим, оказалось бо-о-ольшим подспорьем в моем нелегком бизнесе.

— Да когда ж ты сдохнешь!!! Во имя всех святых!

— Я сам святой так, что дальше некуда! — рявкнул в ответ призрак и понесся вперед, вытянув руки со стремительно увеличивающимися пальцами, которые хищно шевелились и напоминали уже щупальца спрута, а не части человеческого тела. Пусть и призрачного. — При жизни был канонизирован всем святым кагалом, чтоб им пусто было! Ни одна скотина после смерти со мной и разговаривать не желает! Все как один изгнать пытаются, а у меня еще остались тут дела, и помешать им какому-то недоумку я не дам!

Попытка увернуться от объятий нежити успехов не принесла. Мертвенно-холодные руки, несмотря на полупрозрачность ставшие тверже железа, сомкнулись на шее словно стальной ошейник. Ярость и азарт боя исчезли в никуда. За ними же, как это ни странно, последовал страх. А боль в легких, которым моментально стало не хватать воздуха, почему-то так и не появилась. Вместо нее пришло смутное ощущение чего-то стремительно исчезающего из тела. Чего-то очень важного и в то же время почти неощутимого. Жизни.

— Паршивец! — как сквозь слой ваты доносился голос разгневанного привидения. — Всю кирасу мне издыривил... гномью. Один. Быстро.

Руки духа разжались, и жертва нежити, ежась от пробравшего ее до костей мороза, сделала судорожный вздох.

— Как ты это сделал? — Прозрачный силуэт непостижимым образом вывернулся из своей одежды и теперь внимательно ее рассматривал. Точнее, дырки в ней. — Кто ты и как сюда попал? В мой дворец людям нет хода. Во всяком случае, живым.

Как иногда говорят русские — если уж помирать, так с музыкой. Хоть странный паралич, охвативший тело, и не давал спустить курок непосредственно в призрачную харю собеседника, легкие уже заработали, и во всю свою луженую глотку я выдал семейное:

— Троль так юдр ол!

Правда, переходящее в нашем семействе из поколения в поколение проклятие вышло каким-то писклявым, что ли. Наверное, это оттого, что больше всего в данный момент я боялся обмочиться со страху. В голове пробегали панические мысли о том, что если уж сейчас меня будут жрать по кусочку, то надо сохранить хоть часть достоинства потомка древнего ирландского рода. Как только смысл столь малодушных мыслей дошел до моей дурной головы, волна ярости буквально затопила меня. Кроваво-красная мутная волна, заставившая зарычать и забиться от бессилия в оковах парализованного тела. Наверно, именно с такими животными звуками мои далекие предки шли в атаку на противника, вселяя в его ряды ужас. И только попадись мне сейчас в руки этот долбаный призрак, только дай коснуться его — я бы порвал его на тысячу лоскутков, годных только... Да чихать мне, на что будет годен этот труп, если я до него доберусь.

— Гр-р-р-р!!!

— Это вряд ли, — покачал головой дух, отвлекшись от процесса созерцания. — Мужеложцев среди этих гигантов не наблюдается — все-таки и простые нравы имеют свои положительные черты... Хм... а похож... похож... Нука, а это у нас что такое?

Рука, на одном из пальцев которой был перстень, против воли ее владельца поднялась высоко в воздух, вывернувшись под углом, заставившим гневный рык перейти в болезненный стон.

— Неужели оно? — задумчиво пробормотал себе под нос призрак, рассматривая украшение. — Неужели это действительно Глаз Змея? Неужели... Отвечай! Откуда у тебя эта вещь?

— Сволочь! Ну только дай до тебя добраться, я тебе все покажу! И семейное кольцо! И пушного зверька! Я тебе, потомук козла и макаки, гланды через уши вырву!!!

Все еще застывшее в захвате призрака тело, конечно, немного мешало дотянуться до горла и вырвать кадык этого старого призрачного... шептуна. Но уж как этого хотелось — просто не передать словами. Видимо, передававшиеся из поколения в поколение гены наконец попали в ситуацию, наиболее подходящую для их применения.

— Да ради бога, — вдруг хмыкнул призрак, и оцепенение, сковывающее тело, вдруг исчезло, а сам он оказался в полуметре. Удар. Еще один удар. Еще! Кулаки, каждый из которых мог расколоть кокосовый орех, бессильно лупцевали воздух под задорный смех нематериального гада. Призрак, не боящийся пуль, оказался столь же недосягаем и для грубой физической силы.

— Ты!!! — в бессильной ярости прорычал я и сделал единственную сверхъестественную вещь, на которую был способен: ткнул кольцом по так и не зажившей на руке ранке. Вспышка света озарила подземелье, в ушах внезапно зашумело, а тело стало невесомым, но через краткий миг все исчезло.

— Так! Посмеялись — и хватит! — вдруг посуровел дух, и мое тело вновь сковало оцепенение. — Я жду ответов. Откуда у тебя Глаз Змея?

Бросив из-под бровей на самозваного следователя испепеляющий взгляд, от которого он, правда, даже не почесался, и для проверки еще пару раз дернувшись в фиксированных меня невидимых путях, я с большим трудом попытался успокоиться. Ведь если сразу не стали хар-

чить, значит, я для чего-то нужен. То, что с этим старичком я ничего пока поделать не могу, это факт, поэтому отчего бы и не поговорить? Тем более что я хоть и не злопамятный, но уж при случае отомстить смогу. А для этого необходимо знать хоть что-то об объекте своей мести. Глубоко вздохнув и постаравшись успокоиться, ответил на вопрос моего странного собеседника:

— Я уже говорил — это семейное кольцо. По легенде, принадлежало моему предку Олафу Рыжему. — Поморщившись на идущий от призрака холод, недовольно добавил: — Теперь доволен?!

— Ну... — Призрак задумался. — Что это кольцо Олафа, я уже понял. Перстень верховной жрицы храма Богозмея — весьма узнаваемая вещица, особенно для моих мертвых глаз. Да и на легендарного героя тыходишь... немного. Как и все его многочисленные потомки, впрочем. Но лучше скажи-ка мне, родственничек, что ты именно сейчас и именно здесь забыл? Катакомбы моего дворца — не лучшее место для прогулок даже для тех, кто унаследовал от Олафа его легендарное бесстрашие и полное отсутствие чувства самосохранения.

— К... КАК?! Какой родственничек!!! Слышь, старый, я вообще из другого мира! — От возмущения у меня, как говорится, чуть ли не в зобу дыхание сперло. Во всяком случае, будут тут мне всякие подозрительные призраки в родственники примазываться. Всех своих родственников я уже пять лет как похоронил. И не против похоронить и вот этого. Хм, странный каламбурчик получился.

— Какой есть, — хмыкнул призрак. — Правнук Олафа Рыжего, Канлер Великий к вашим услугам.

И галантно поклонился.

— Значит, легендарный герой нашел какую-то тропинку в другой мир, — разогнувшись, задумчиво промолвил он и машинально потрогал то ли слишком длинную щетину, то ли слишком короткие усы. — И там он, по

всей видимости, и скончался, иначе бы его тело давно нашли... Как это было?

Может, я, конечно, тормоз, а может, это были последствия выпитого, но от слов призрака в протрацию я не впал. И даже не застыл как громом пораженный, как по всем законам жанра должен был сделать. И уж тем более не стал, как в мелодраме, бросаться призраку на шею с криками и слезливыми соплями. Еще более подозрительно посмотрев на старого хрыча, я пару раз дернулся в пугах и со значением высказался:

— Дедуль, так, может, родственничка-то отпустишь?

— Ты как с королем разговариваешь, нахал! — возмутился призрак, но тем не менее паралич убрал. — Хотя в принципе можно. Бежать-то тут особо некуда. Вроде как. Но кольца не трогай! Удушю! И рассказывай, рассказывай. Не так много осталось вещей, способных вызвать мое любопытство, и смерть Олафа Рыжего — одна из них.

Ощувив свободу, помассировав сдавленное горло и затекшую шею левой рукой, все еще не выпуская «глока» из правой, я принялся вспоминать, как же отбросил коньки основатель моего рода — в чем-то легендарная личность, прославившаяся на весь Эрин своей наглостью, бесстрашием и совершенно чудовищным аппетитом до женского пола. Последнее, что сохранилось в семейных преданиях, — что после возвращения из вояжа в Италию, где он со своей дружиной и еще кучей викингов знатно пограбил католические монастыри, старому Олафу, лишившемуся в этом походе руки, стукнуло в голову отправиться на поиски Винланда, в которых он вроде и сгинул. Во всяком случае, больше о его безрассудных поступках и обрюхаченных им молодых красотках не было слышно. Хотя не удивлюсь, что на американском континенте, если он до него доплыл, предок оторвался за все тяготы длительного морского путеше-

ствия. Ну а примерно через пару лет после его отплытия из далекой Италии возвратился его соратник, привезший с собой ни много ни мало — мумифицировавшуюся руку этого самого Олафа и его кольцо. После того злощастного боя, в котором предок лишился своей хваталки и был вынужден позорно бежать, монахи, оказавшись, к слову, не такими уж хлюпиками, выходили одного из захваченных живьем викингов и после мощной промывки мозгов обратили его в христианство. Вот именно поэтому брат Марк (если правильно помню семейные хроники) и смог вернуться на Эрин в составе папской делегации, захватив при этом потерянные цацки своего бывшего соратника.

Реакция на мой рассказ была поразительной...

Призрак хохотал как безумный, и звуки его голоса, отражаясь от стен подземелья, звучали откровенно жутко.

— Ах-ха-ха, узнаю прадедушку! Теперь понятно, куда он исчезал на целые месяцы! И в чужом мире прославился, нет, ну это ж надо... Эх, одного только не понимаю: почему он за кольцом, а судя по всему, переход между мирами создает именно оно, не вернулся?

— Так оно же вместе с отрубленной рукой в воду плюхнулось, — пожал я плечами. — Причем не абы где, а в море. Чудо, что прибой выбросил конечность, рыбами и разложением абсолютно, кстати, не тронутую, к ногам обратившегося в христианство соратника Олафа.

— Скорее уж это работа Глаза Змея, — не согласился призрак. — Такие вещи имеют нечто вроде своего разума и воли — блеклое, зачаточное, но все же... Но яркие эмоции своих хозяев они чувствуют и любят испытывать, это абсолютно точно. Видимо, перстню захотелось вернуться к прежнему владельцу, с которым было куда веселее, чем на морском дне. Кстати, а другие твои предки, которые его носили, они ведь тоже, наверное, на одном месте в

праздности не сидели, а рвались к приключениям всеми силами?

— Ну... как бы это сказать... — Вроде бы уже собравшийся полностью отвергнуть предположение призрака, я с большим удивлением для себя принялся вспоминать о деяниях своих предков. С очень большим удивлением. Раньше мне просто в голову не приходило, что это может быть ненормально, но вот если посмотреть на всю историю моего рода именно под таким углом, то... А считай, во всякой крупной войнушке мои предки замазывались по самое «не хочу». Начиная с разборок с англичанами при Генрихе Втором, Столетней войны, Наполеоновских войн, Кубинской, Англо-бурской, Первой мировой, Второй мировой. Родственнички отметились везде, где было можно и где нельзя. Взять, например, моего папашу — на его счету Родезия, Ангола и Вьетнам. На этом фоне я, если честно, смотрюсь очень бледно, хотя тоже имею за душой парочку пройденных кампаний и примерно полтинничек трупов. Во всяком случае, теперь мне хоть немного понятно, в кого у нашей семейки такое знатное шило в заднице.

— Можешь не говорить, — разрешил призрак и с любопытством стал рассматривать «глок». Мой «глок»! Когда и как эта сука успела его стащить из руки?! — Владелец такого оружия — великий воин и сын великого воина... Хорошая штука, всю кирасу мне разворотила, а ведь за нее чуть ли не золотом по весу было заплачено.

— Таких денег она не стоит, — сказал я раньше, чем успел подумать. — Любой броник лучше.

— А у тебя он есть? — мгновенно заинтересовался дух.

— Да хоть... У меня такого добра, как этот пистолет, а также чего покруче, столько — армию вооружить хватит. Вот только бабки кончились...

Немного стусевавшись от внезапно проскочившей мысли о том, что парочка арендованных складов с раз-

личными неликвидами у меня, конечно, имеется, например с теми же американскими PASGT¹, которые по своим бронезащитным свойствам полное... то есть, если говорить более политкорректно, защищают чуть менее чем от ничего. Во всяком случае, от пуль древнего, как сама жизнь, русского ТТ² или его китайской реплики они не защищают абсолютно. Ну в крайнем случае там и пара десятков итальянских керамических броников наличествовала. Эти-то точно дедуле бы понравились — уж если они пулю из СВД³ держат со ста метров, то ихние допотопные стрелы точно. Только вот склады эти — они вообще-то теперь в другом мире обретаются, а мое брэнное тело — в этом. Да и появляться мне там теперь уж точно не с руки. Чревато, так сказать. Могут сделать бо-бо. Или пульку подарят — абсолютно бесплатно. В рамках рекламной акции: «Так будет с каждым кинувшим нас». Хотя... бросив взгляд на загоревшегося от перспектив дедулю, я с профессиональным интересом спросил:

— В общем, оружия у меня много. Я, если так разбираться, занимаюсь торговлей всеми видами вооружений уже почти пять лет. Но вот проблема-то в том, что оружие там, а я здесь. И вдобавок «там» у меня небольшие проблемы, от которых мне бы лучше оставаться «здесь» как можно дольше. Так что очень хочу выслушать твои предложения. Может, ты с высоты своего опыта что подскажешь? — Небольшой подхалимаж оказался в тему: старичку как будто икорку маслом перед носом помазали — улыбка просто соответствующая была.

— Решать тебе, — не меняя выражения лица, добрым голосом сказал призрак. — Вот только еды и воды в подземельях нет... вино, впрочем, найдется, если оно

---

¹ PASGT — индивидуальный бронезащитный комплект на вооружении сухопутных войск США. Состоит из бронежилета и бронешлема.

² ТТ, он же «тульский токарев» — пистолет тульский Токарева.

³ СВД — снайперская винтовка Драгунова.

еще в укус не превратилось. Но выходить отсюда я тебе очень не рекомендую. Снаружи, знаешь ли, опасно. Очень. Там такие твари шастают, что заглотят целиком, причем не только тело, но и душу. Так что если проглотдаешься, придется тебе вернуться домой. А насчет того, как туда попасть... Кольцо Глаз Змея — это артефакт-телепорт. Верховная жрица Богозмея благодаря ему могла в мгновение ока попасть к своему алтарю откуда угодно. А потом, с новыми силами, опять вернуться туда, откуда пришла. Но ему нужно время, чтобы восстановить свою растраченную силу... Не знаю сколько, но не очень много. А если положишь его вон на тот камешек, украшенный резьбой в виде пожирающих людей питонов, то он сделает это мгновенно. Только сам при этом, скорее всего, сдохнешь, так что лучше подождать. А раз уж ты торгуешь оружием... я покупаю у тебя эту вещь, если, конечно, она у тебя не одна такая. А в уплату дам... мм... ну-у...

И тут призрак моргнул и исчез. Вместе с «глоком». И не успел я испугаться, что этот не до конца покойный родственничек исчез с концами, как он вернулся и буквально втиснул в мои руки какой-то небольшой, но неожиданно тяжелый для своих размеров браслет.

Цацка при внимательном осмотре оказалась знатной. Во всяком случае, примерно граммов двести чистого золота по весу и штук пятнадцать интересных таких камешков — ну и что, что неограниченных, а просто отполированных, — внушали определенную уверенность и вызывали звуковые галлюцинации в виде хруста новеньких долларовых купюр. Да даже если просто по весу продать, хватит примерно десять таких «глоков», да при полном обвесе, купить. Поэтому, быстренько выудив из кармана последнюю запасную обойму, я устроил старичку мастер-класс. И вот что странно — пули сквозь этого гада пролетают, и по морде ему не врежешь, а ствол держит

как живой. Причем вцепился так, что пистолет даже при отдаче не дергается. А время, проведенное с пользой, и отключившаяся на несколько минут от ожидающих меня в моем мире проблем голова позволили мне хоть чуть-чуть прийти в себя. Ведь не каждый же день на мою голову сваливается призрачный родственничек милитаристского уклона с предложением заняться межмировой торговлей вооружениями. Во время объяснения сборки-разборки и основ обслуживания «глока» в моем все еще немного затуманенном выпивкой разуме понемногу забрезжила спасительная идея. Ведь в принципе до срока расчета с албанцами есть время. Так что если по-быстрому спихнуть родственничку партию залежавшегося на складе, то одной проблемой на свете для меня станет меньше. Ну а что делать с колумбийцами и застрявшими в Сомали контейнерами с их грузом, можно придумать потом. Во всяком случае, первое, что сейчас необходимо, — это выяснить возможный объем сделки. А вот дальше будем плясать от фактов и сумм. Именно поэтому я позволил себе отвлечь радостно расстреливающего остатки кирасы призрака:

— Дедуль, в общем, с оружием проблем у меня нет, так что давай договоримся — я сейчас, если получится, отправляюсь обратно. А после того как доберусь до складов, возвращаюсь сюда с образцами, и ты скажешь, сколько и какого вооружения тебе будет необходимо. И учитывай сразу, что так поразившая тебя игрушка — это почти самое слабенькое из того, что у меня есть. Тем более что у него куча ограничений: дальше пятидесяти метров из него не постреляешь. В смысле — хрен попадешь. Да и бронестойкость у него подкачала. Так что приволоку все, что есть, — а ты скажешь, что тебе из этого будет надо. Договорились? — После чего вспомнил самое важное и добавил, с озадаченным видом рас-

сматривая кольцо: — Дед, как сюда — это я понял, а обратно-то как?

— По идее точно так же, как и сюда. Ты же его уже активировал один раз, я видел, вот только энергии Глазу Змея тогда не хватило. Но сейчас он, думаю, уже восстановил силы.

ГЛАВА 2

Юность император Аксимилиан, отданный своим мудрым отцом на воспитание в цитадели магии, провел, постигая сокровенные тайны волшебства, а после становления своего могущества — долгие десятилетия жил, таясь среди простого народа, чтобы проникнуться его заботами и чаяниями.

(Первые строки главы, посвященной юности императора)

Рассказать бы правду... как вырванный из родного дома бастард из-под палки учился, а после смерти его титулованного родителя и развала государства был выброшен прочь на вольные хлеба. Как наемничал, голодал, скитался, иногда даже воровал, пользуясь тем, что на боевого мага не подумают, а подумают — так не посмеют обвинить...

(Надпись на полях, просматривающаяся даже из-под толстого слоя замазки, благодаря тому что была написана не обычными чернилами, а при помощи волшебства. Личность чародея, что посмел испортить личное имущество императора, так и не установлена)

Аксимилиан, городской маг

— Добавим щепотку камня слез, — задумчиво протянул я, бросая упомянутое вещество в громадную огнеупорную колбу и наблюдая за результатом. Жид-

кость неопределенного цвета поглотила щедрый (один мешочек — пять серебряных!) дар, после чего слегка побулькала и закипела, повинуясь жаркому пламени алхимической горелки. Интересно, это хороший знак или опять что-то не так выйдет? О боги, лишь бы получилось, времени еще на одну попытку у меня не будет... — Так-с-с, что у нас дальше... — Мой нос ткнулся в свиток, расстеленный на соседнем столе, помогая глазам в скудном освещении трех свечей разбирать старые, выцветшие от времени руны. Ходить туда-сюда было, конечно, не совсем удобно, но оставлять ценный раритет близко к открытому огню было бы по меньшей мере неосмотрительно. — Хакколи, — задумчиво пробормотал я и осмотрел лежащие рядом с горелкой ингредиенты, в особенности веточку зеленого цвета, которую уже собирались отправить в колбу мои пальцы. — А оно ли это? Не помню... Хм, может, потому у меня и выходит какая-то гадость? Значит, надо в словаре поискать!

Идея пришла мне по вкусу, и стоящий у противоположной стены шкафчик с книгами подвергся безжалостному разграблению со стороны потомственного варвара, род которого пять поколений цивилизации не избавили от полезных привычек вроде умения вести переговоры кулаками и соблазнять женщин при помощи демонстрации имеющихся по всему телу мышц... Бездна! Да куда же делся этот фолиант?! Лихорадочные поиски успеха не приносили — искомой книги не было, и в душу начала закрадываться паника.

— Так, спокойно, спокойно, это еще не конец света, — начал я сам себя убеждать по методике, которую пытался изучать, наткнувшись в библиотеке ордена на перевод какого-то восточного трактата о путях к совершенству. — Давай успокоимся и пересчитаем имеющиеся в наличии книги еще раз. Сборник молитв Господину

Света, четырехтомник «Владения силами» от Аона Сарийского, «Верная рука» — трактат об искусстве боя, который отец подарил на совершеннолетие, «Вещи чудные, зачарованные» — скорее брошюра, чем настоящая книга, но именно она по большей части меня кормит, стихи Аластиеля Златокудрого... откуда они у меня? Не-э-э-э-эт!!!

Озарение, вспышкой света забрезжившее в мозгу, дало понять, какой я все-таки кретин. Словарь древнеэльфийского, на котором и был написан злополучный свиток с головоломной рецептурой, на днях одолжила у меня Асанта, чтобы составить письмо нелюбимому, но иногда присылающему деньги папочке высоким слогом, оставив равноценную замену проклятой книге! И теперь мне абсолютно точно нечем будет угощать симпатичную полуэльфийку, которая должна прийти сегодня на ужин! Суп из златолиста, сваренный мной по хитроумным рецептам перворожденных, которые я вычитал во взятом напрокат из городской библиотеке свитке, из-за неправильно понятой рецептуры своим неподражаемым ароматом похож на носок дохлого гоблина! А ведь он был призван играть роль первого (и единственного!) блюда, после которого действие, по моим расчетам, должно было плавно сместиться в спальню. Но теперь угощать весьма капризную ведьмочку мне будет нечем. На леднике остался только не совсем свежий хлеб, несколько яблок и кувшин с пивом. Нет, есть еще бутылка дорогого вина, но она уже стоит на столе в комнате, за неимением лучшего считающейся в моей башне парадным залом. И прикупить что-нибудь еще я не успею: солнце уже должно сесть, лавки давно закрылись, да и денег после покупки всех экзотических ингредиентов, необходимых для эльфийского блюда, осталось ровно столько, чтобы дожить до начала следующего месяца и соответствующей выплаты из магистрата.

Если, конечно, какая-нибудь халтурка не подвернется. Бездна! Да о чем я думаю?! Мои долгие ухаживания за единственной в этой дыре молодой симпатичной и незамужней женщиной, обладающей даром, пошли прахом, а в голове такая чушь! Осталось же достаточно для еще одной порции. Еще есть надежда...

— О, Господин Света, сделай так, чтобы удалось, — воззвал я к небесам, впрочем в душе вполне понимая всю тщетность такой попытки. Мой род с богами, а особенно их служителями, не ладил.

Рука щедро закинула все оставшиеся ингредиенты в колбу, которую я приспособил для опытов после того, как сварил целый котелок отвратно воняющей мерзости, которую супом постеснялись бы назвать даже в тюремной кухне.

Жидкость забурлила, переваривая подачку. Ногти на руке до крови впились в ладонь. Ну пожалуйста... ну... ну...

Тонкий и пока еще слабый аромат, вызывающий желание немедленно открыть окно и выпрыгнуть в него, позабыв про высоту, отделяющую алхимическую лабораторию от подножия башни, достиг моих ноздрей.

— Бездна! — Тонкий налет шелухи слетел с могучей души потомственного варвара, и некоторое время жилище городского чародея, должность которого я занимал вот уже целых четыре года, слушало своими стенами потоки нещадной брани.

— Хорош! — радостно сказал кто-то у меня за спиной сухим старческим голосом. — Не понимаю, правда, чего ты так яришься, но хорош! Вылитый я в молодости.

Моя голова медленно, с ясно слышимым скрипом повернулась, и глаза уткнулись в полупрозрачный силуэт. Призрак худого, но плечистого старика, облаченного в роскошные, но порванные и запачканные чем-то темным одежды, парил в двух шагах и радостно скалился.

— Опять явился, — с тяжким вздохом констатировал я, складывая пальцы щепотью, призванной отображать... не помню что, но что-то важное. Во всяком случае, эту распальцовку даже совсем дремучих крестьян в церкви заучивать заставляют. — Изыди! Именем Господина Света, изыди!

Объект воздействия священных сил заколебался: слуга богов, равно как и некромант, из меня аховый, но на такую малость, как изгнание беспокойного духа, обычно хватает. Если амулетами не пренебрегу. Каковых сейчас, естественно, не было. Впрочем, даже если бы я обвешался побрякушками, как шаман орков, это не помогло бы. Призраки довольно сильно разнятся по своей силе, и от чего зависит градация мощи этого вида неуспокоенных, магами пока не выяснено, но одно известно точно: чем больше их вспоминают, тем они могущественнее. А покойного короля, который перед смертью почти успел стать императором, все годы после его убийства поминали часто. Такого даже гранд некромантии не развоплотит, если только запечатает куда... а было бы неплохо. Достал он меня уже

— Прекрати! — Призрак, естественно неразвевшийся, на что, признаюсь, была тайная надежда, оказался очень зол. — Как ты смеешь так поступать с отцом?!

Давняя обида всколыхнулась в моей душе.

— Не трогай папу, — велел я, давая выход скопившемуся в душе раздражению. — Баронет Лоон был очень достойным человеком. И не тебе, нежить, марать его память.

— Не зли меня, сын, — насупилось привидение убитого короля. — Я, конечно, понимаю, что ты привязался к этому кастрату...

— Изыди из дома, зло! Изыди из жилища, тьма! Изыди из стен сих, смерть! — Где-нибудь еще, вне своей башни, я бы не смог повернуть этого фокуса. Но сей-

час-то вокруг меня, дипломированного чародея, весьма могущественного, пусть и не слишком опытного, вздымались стены, успевшие за годы жизни стать родными. Моя энергия пропитала их, и теперь они служили резонаторами для дара волшебника, превращая довольно скромное заклинание, ограждающее от неупокоенных, которых в последние годы появилось чересчур уж много, в настоящую стену, защищающую небольшой участок нашего мира от потусторонних сущностей. Во всяком случае, на какое-то время.

— Я еще вернусь, — посулил призрак короля и истаял.

— Конечно, вернешься, папочка, — зло хмыкнул я. — Эх... угораздило тебя в молодости сделать бастарда... а потом в старости сдохнуть не той смертью не в том месте. А я мучайся теперь...

Давняя злость наложилась на раздражение от фиаско с эльфийским супом и превратилась в нечто совсем уж взрывоопасное. Пожалуй, лучше бы Асанте немного опоздать, а то ведь и сорваться могу. На нее. А призраку только того и надо. Он уже проел мне плешь просьбами о продолжении рода. И возвращении его на фамильный трон. Иначе этому покойному почти императору, видите ли, никогда не упокоиться. Хорошо, хоть он заявился ко мне в гости, когда я уже немного подрос и успел распробовать радость общения с противоположенным полом, — иначе, видят боги и демоны, целибат бы принял. Пожизненный. Чтобы этот гад, прощелкавший семью, королевство и жизнь, целую вечность страдал!

Звук гонга раздался в лаборатории, свидетельствуя о том, что долгожданная гостья все же пришла, и я, ругаясь сквозь зубы в адрес предков, один из которых порядком отравляет мне жизнь, принялся сдирать с себя запачканный и прожженный халат, чтобы облачиться в парадную мантию.